

Бенефис за опущенным занавесом

Я не знаю, кто были те двое (молодой человек и девушка, как запомнила сама актриса), что преподнесли цветы в конце прошлого сезона заслуженной артистке России Розе Константиновне КУЗЬМИНОЙ. В любом случае, вряд ли они да и все пришедшие в тот вечер в театр, догадывались о том, что присутствуют на ее последнем спектакле. Она и сама узнала об этом позже: ей просто сообщили, что с нового сезона контракт с актрисой Кузьминой продлен не будет...

Меньше всего рубрика «Браво!» рассчитана на полемику и морализаторство. И даже сегодня, когда события, происходящие в любимом некогда магнитогорском здании драматического театра им. Пушкина, похоже, приближаются к критической точке, я замечу только одно: имена в истории театров, кроме талантов и их поклонников, создают еще и режиссеры. И степень талантливости последних определяет их отношение к актеру.

Наверное Розе Константиновне, действительно, везло на встречи с талантливыми людьми. Режиссеры-постановщики писали ей после премьер слова дружбы и благодарности на программках спектаклей. В рецензиях, появлявшихся в газетах и журналах, критики не скупились на эпитеты, говоря о созданных ею образах и интересных работах над ролями. Комсомолки-целинницы в многочисленных пьесах «на злобу дня» и Офелия в «Гамлете», Елена в «Варшавской мелодии» и госпожа Гурмыжская в «Лесе», Памела Кронки в «Дорогой Памеле» и Софья в «Последних»... Сотни ролей, сыгранных за полвека жизни на сцене. Жизнь, которая могла бы еще продолжаться, потому что есть силы, есть желание, есть умение постоянно держать себя в «форме», несмотря на все жизненные перипетии.

Андровская, Раневская, Гоголева продолжали выходить на сцену великодушных столичных театров почти до своего последнего часа. Кузьминой пока далеко до их возраста, однако, работать с ней больше не желают. Абсурд, но к 60-летию юбилею Магнитогорского драматического в нем остался единственный из тех, кто некогда создавал его славу — народный артист России Л. Г. Самарджиди. Последний раз я видела его на сцене года три тому назад в маленькой роли в неудачном спектакле «Дама с камелиями». Сегодня, говорят, он очень редко появляется в «Чайке» в почти такой же маленькой роли Сорина...

А в моей памяти тот, существовавший в пору детства, Магнитогорский драматический театр им. Пушкина навсегда остался неким островом вечного праздника. Я и сегодня помню портреты актеров, висевшие в фойе. Какие это были лица! И как интересно было мне тогда каждый раз после спектакля искать и находить в этой галерее тех, кто только что выходил на сцену, до неузнаваемости перевоплотившись в придуманных кем-то героев.

Тот, старый, портрет Розы Константиновны висит сегодня у нее дома. Наш разговор идет своим чередом. Воспоминания о прошлом мешаются в нем с горечью сожалений о том, что происходит в жизни. Имена режиссеров, роли, названия спектаклей, благодарности зрителям — эту беседу, наверное, можно было бы положить в основу сценария прощального бенефиса. Бенефиса, которому суждено остаться лишь на бумаге...

— Кажется, Раневская назвала, однажды, жизнь актера «кагорой в цветах». Но она наблюдала ее в театрах столичных. А как вы определили бы судьбу актрисы провинциального театра?

— Нет, театр — это не кагор. Как-то вещи в судьбе актера, конечно, бывают мучительными, но зато ведь и рождаются такое через эту муку! Открытие радости какой-то... Нет. И себя я считаю счастливым человеком. Цветов в моей жизни было много. Говорят, что Магнитогорск — не театральный город. А когда-то главный режиссер нашего театра Анатолий Андреевич Резинин ругал меня за то, что я не уделяю внимание каждому из своих поклонников. У меня просто физически не хватало времени. Вот так любил театр в этом городе!..

— Давайте повернем немного вспять и поговорим о том, как Магнитогорск оказался последним, но далеко не первым городом в вашей сценической биографии. До него были Тюмень, Рязань и Саранск...

— Да, а еще Ульяновск, Астрахань и Краснодар. Магнитка была седьмой. Число «семь» для меня счастливое.

В Астрахани и Краснодаре, где мы с мужем работали перед переездом сюда, — жуткий климат: высокая влажность и жарыща. Выездные точки — Геленджик, Сочи, Туапсе, Анапа, Новороссийск. Выезды постоянные. Причем все люди там отдыхают, а мы работаем... Здесь после Краснодара была просто какая-то «академия» — выездов мало, климат сухой. Мне это так понравилось!

И потом, меня сразу покорила зритель. Я его мгновенно почувствовала и ощутила себя, как дома. Прекрасный главный режиссер! Я так была тогда занята в репертуаре, что продохнуть было некогда. Шекспир, Шиллер, Лопе де Вега, Тургенев, Островский, Достоевский, современная пьеса... У нас на «Изобретательной влюбленной» зрители даже на ступеньках сидели. Ой, я там такое выделяла! Московская критика этот спектакль очень хвалила. Тогдашний наш директор Михаил Исаакович Поляков говорил мне: «Ох, Роза!.. Приходят и спрашивают билеты на тебя! Ты смотри, береги себя. Вот мы с тобой умрем — весь город пойдет на похороны!» (Смеется.) Я ему только и отвечала: «Господи, Михаил Исаакович, да живите вы сто лет!»

А вот теперь он уже умер, а меня заранее закапывают, хоронят и морально убивают. Думаю, «мой» зритель от театра потихонечку отходит — идут медленные-медленные мои похороны...

— Значит, если бы не «особенный» магнитогорский зритель, актриса Кузьмина никогда бы не осталась в этом городе?

— Да нет, это, как ни странно, судьба. Вот как Аркаим, говорят, притягивает к

себе, так, видимо, и магнитная руда Магнитки тянет. Хотя, если бы не зритель, можно было бы, наверное, на худой конец, в ту же Москву податься. Когда жила в Рязани, меня два года уговаривали поработать на Мосфильме — как раз очень модной была тема Целины. Ну, приехала я на студию — посмотрела на эту работу и в ужасе пришла! Я, видимо, ретроград и консерватор, но от того бедлама я просто заболела и сказала, что не люблю кино, не люблю Москву... В общем, отказалась.

Позже были еще предложения сниматься на Ленфильме, в Свердловске... Но не понимая я эту «киношную» систему — она мне дикой кажется. В драматическом театре все строже и возвышеннее, что ли...

— Ну, а если бы вам предложили сцену одного из столичных театров?

— Категорически нет! Боюсь я Москвы. Меня, кстати, приглашал как-то Завадский. Это было, когда у нас в Мордовском республиканском музыкально-драматическом театре шел «Маскарад» Лермонтова. Приехали как-то московские критики, представители ВТО. После спектакля я тогда такие восторженные эпитеты в свой адрес услышала, что мне даже не по себе стало...

А потом неожиданно пришел вызов в Москву — только сцены Арбенкина и Нины... Тоже был «Большой сбор» всех режиссеров, актеров, критиков. Сам Завадский пришел. Перед ним на столе такая роспись остро-огненных карандашей, бумага. Сам он красивый, импозантный. Я была ни жива, ни мертва — просто в жутком соетоянии!

Он после всего меня хвалил, говорил вещи, которые в то время до меня, может быть, не совсем доходили. И в общем-то, предложил поработать сезон или два в Москве. Я ответила, что подумаю, но потом все-таки отказалась. Видимо, страх во мне жил какой-то к московской сцене. От того, какие актеры там работали! Я просто воспитана.

Хотя работаю я всегда с полной отдачей. Для меня режиссер — бог, «маленький» он или «большой» — не важно. Шрайман даже удивлялся и признавался, что поначалу робел передо мной. «А вы, — говорил потом, — как-вост. Из вас можно лепить любой образ и работать с вами днем и ночью.» Я, действительно, готова полностью раствориться в творческой работе. За полвека на сцене у меня не было ни одного конфликта с режиссерами, ни в одном из театров. Я играла все, что дадут. И сейчас не стану капризничать: нужен маленький эпизод — сыграю, дадут большую роль — могу еще немного поволноваться, подучиться ли. Но актрисой я всегда была разносторон-

вой. То ли это от какого-то легкомыслия моего идет. То ли, наоборот, от того, что жизнь складывалась нелегко. Но я всегда радовалась тому, что живу, и радовалась любой работе. Любимой! Хотя в третьем составе...

— Удивительно слышать от красивой женщины, одной из ведущих в прошлом актрис нашего театра, жены его главного художника, любимой зрителей слова о том, что жизнь складывалась трудно. Мне кажется, в глазах большинства вы выглядели просто «баловнем судьбы».

— А я на судьбу и не жалуюсь. Все дается Богом. Мы ведь с Магниткой ровесницы. Причем родилась я на Волге, в Ульяновске, в Крещенье, и в тот день в церквях звонили колокола, как будто мое рождение приветствовали. 29-й год — это еще и голод в Поволжье. Как я выжила, как я выкарабкалась?.. Ульяновск — старинный дворянский город. Какие там музеи, какие библиотеки, какие театры, в которые меня водили с пяти лет! Театром я, как говорится, «болела» с пеленок. В детском саду считалась первой заводилой. Воспитатели так и говорили: «Ну, эта будет артисткой!» Стешки читать, песенки петь, стишки какие-то развешивать — везде я. Кто меня этому учил?.. Мама была банковским работником, отец — бухгалтером. В родине, в основном, еще врачи и музыканты. Все честные трудяги, а что и пострадали. Я ведь и репрессии пережила...

Но миссию свою я считаю на этой земле исполненной, если оставила по себе добрую и красивую память в людях. Хотелось бы, конечно, и мне поработать, как, скажем, Марии Мироновой. Но нет сегодня в Магнитке своего Олега Табакова, который предложил бы мне хорошую роль старухи. Нет Олега Ефремова, который во МХАТе поставил когда-то для стариков «Соло для часов с боем». То, что мы с Самарджиди просили сделать для нас, чтобы уйти достойно, отклика не нашло. Не берется. И забывают, что отдана нами Магнитке большая часть жизни. Видимо, доброта какая-то в людях ушла...

— Как вы думаете, то, что произошло с Магнитогорским драматическим в 80-х, было результатом объективного процесса или нелепого стечения обстоятельств?

— И того, и другого. Просто в то время нужно было областному руководству уделить нашему театру больше внимания. А оно этого делать не хотело. Возможно, сказывались какие-то ревность и конкуренция. Для режиссеров, которые к нам приезжали, Магнитогорск превратился в плацдарм для дальнейшей карьеры в области. Поэтому приезжавшие к нам хорошие молодые актеры, посмотрев на все это, уезжали. Я считаю, что область все-таки не должна была пускать все на самотек. Ну что толку, что приехала к нам чужая труппа? Сыграли спектакль — какие-то из них получились неплохо, какие-то просто отвратительно. А как такового ни коллектива, ни репертуара ведь нет. Фестивали — это хорошо, но и сам театр, если он существует, должен работать.

Неправда, что Магнитогорск не имеет театральных традиций. Они закладывались в военные и послевоенные годы, когда сюда приезжали Московский Театр Сатиры и Малый драматический. Их коллективы прививали большую культуру нашему искусству. Самарджиди, которому сегодня почти ничего не дают, никаких ролей, — актер из тех времен. Ужасно! Это духовный геноцид, духовное уничтожение! Так ведут себя только временщики!..

— «Театр начинается с вешалки.» Что означает для вас эта знаменитая фраза?

— Не только с вешалки. Театр начина-

ется у парадного входа, когда зритель только взялся за ручку двери: он входит в другой мир, где должна царить КУЛЬТУРА.

— Раз уж мы коснулись темы культуры, вы сыграли на сцене множество ролей в пьесах о любви. О ней рассказывали тогда весьма ограниченным набором средств. Как вы считаете, современная режиссура, которая обнажает на сцене, практически, все и вся, обогатилась или усложнилась актерскую работу?

— Обеднела. Чувства рождаются душой и сердцем. А тело только выражает наши эмоции. Просто так раздеться на сцене — это коммерция, это показ «товара». Душой работать сложнее. Если ты сумел своими чувствами, бдением своего сердца разбудить душу зрителя и заставить его плакать — это намного дороже, я думаю... Не знаю, но мне всегда давал дыхание только зритель. Он вселял в меня надежду и в этом было мое счастье.

— А почему в свое время молодая актриса, которую уже успела отметить замковая критика, сменила звучную запоминающуюся фамилию Тратно на достаточно распространенную — Кузьмина? В творческих семьях это ведь очень «непопулярное» явление.

— Вы знаете, я когда в Рязани вышла замуж и сменила фамилию, приехали критики и ужаснулись: «Что вы сделали! Мы вас знаем как Тратно, вас зрители под этой фамилией знают и любят! Что вы сделали!» Но муж тогда сказал: «Ничего, и Кузьмину знать будут!» Вот такая я, наверное, «непрактичная». Да Бог с ним... Меня слава никогда не занимала. В этом смысле я всегда смотрела на жизнь проще...

В 33 я приехала сюда и магнитогорской сцене отдано 33 года. Первая пьеса, в которой я жес сыграла, называлась «Хочу верить». Мистика какая-то!.. Конечно, с одной стороны, очень обидно, что все так заканчивается, а с другой... С этим, наверное, нужно смириться. Куда деваться? Время такое пришло. Но оно закончится. Все равно, я думаю, когда-нибудь город еще вспомнит культуру того, НАШЕГО, театра!..

Беседу вел В. ЗАСПИЧ.
Фото В. МАКАРЕНКО.

Р. С. Не в традициях газетной рубрики проводить бенефисы, поменяя собой сценические подмостки. Да и не в традициях русского театра выбирать для бенефициантов пьесы с печальным сюжетом. Что поделать? Жизнь наша давно уже вышла далеко за рамки привычного. Сколько мы от этого приобрели и сколько потеряли — считать, видимо, возьмемся позже. Но сегодня, несмотря ни на что, давайте поблагодарим актрису прощальными аплодисментами. Вы помните, как это делал всегда магнитогорский зритель, дружно поднимавшись в конце спектакля с кресел партнера? Целено, что эту одацию не услышит зрительный зал. Bravo!..